

Деятели культуры о Валентине Парнахе

Слов нет, Валентин Парнах – фигура колоритнейшая, но не только своей незаурядностью притягивает он. Самое большое свое открытие он совершил мимоходом, а самый яркий след оставил совсем не там, где собирался. Так могло случиться потому, что он вступил в жизнь с огромными ресурсами талантов, знаний и намерений, с незаурядным этическим потенциалом, естественным в среде российской интеллигенции. И все же меня не покидает ощущение, что он многое еще не досказал, не доосуществил, просто не взялся за многое из того, на что был способен. Не подал руки. И все перекопилось, сломалось, изуродовалось в его жизни. Ибо, когда погибает лучшее, оно становится особенно отвратительным. Судьба Парнаха стала одной из трагических судеб XX века, красные колеса истории которого прокатились по людским морям, в первую очередь разможив тонких, хрупких, талантливых мальчиков с устремленным взглядом и гордо закинутой головой.

А. Баташев «Египетский поворот»

Это был, как мне кажется, истый “бульвардье”, человек парижских бульваров, человек, влюбленный в Париж, во французскую поэзию того времени. Друг Аполлинера, Кокто, литератор, интересовавшийся Джойсом. Личность высокообразованная, с огромным вкусом. Он был увлечен послевоенной французской (да и русской тоже) живописью, был большим знатоком ее. Короче, это был пропагандист и поклонник всего, что в начале 20-х было современным и авангардным.

Е. Габрилович «О том, что прошло»

Вот тело хрупкое пророка и танцора.
Вместившее огромный дух...
Ты хрупок стал от частых голодух.
От негрской музыки и от движений скорых.
О ручки детские! Ботинки «gargonet».
Воротнички тридцать четвертый номер
(Любой поэт от удушенья б помер)
Шерсть рыжая на брюхе и спине.
Эротоман ужасно изощренный.
Неисчерпаемый в мечте ночей.
На дню же - целомудренно ничей
И женским посягательством смущенный.
Прости, наставник, дерзкий мой язык:
Создателю размеров беспримерных
Не повредят укусы своры верных
И смех кинематографических заик.

А. Гингер «Валентину Парнаху», 1921 г.

(из статьи И. Павленко «Валентин Парнах – карабкающийся акробат»)

Парнах был тонким знатоком не только современной, но и классической литературы, общался с Аполлинером и Максом Жакобом, но все же больше всего интересовался джазом, мюзик-холлом и цирком.

А. Бахрах «Египетская марка» и ее автор»

Парнах и джаз просто не могли не встретиться. <...> Он намного раньше других увидел в джазе соединение течений музыки Африки, Америки, Азии и Европы.

А. Баташев «Египетский поворот»

Что у Парнаха было абсолютно оригинально и неповторимо – это танцы. Он, безусловно, выдающийся хореограф.

Е. Габрилович «О том, что прошло»

В. Я. Парнах был талантливым переводчиком, и последние двадцать лет жизни он почти полностью отдавал переводам. Он переводил не только с французского, который знал в совершенстве <...>, но и на французский; мало того, он и сам писал стихи по-французски. Переводил с испанского <...> и с португальского, кроме того – с немецкого и итальянского.

П. Нерлер «Я метался в поисках родины...»

Он носил дедушкину визитку и кашне - другого у него ничего не было. Рыжеватенький, весь покрыт веснушками... Лицо у него было тонкое и вдохновенное.

Из воспоминаний Е.М.Фрадковой

Судьбе было угодно, чтобы он умер в своей постели: это произошло хотя и после убийства Михоэlsa, но еще до дела врачей и смерти Сталина.

Но, если уж и были в СССР настоящие космополиты, то Валентин Яковлевич Парнах был, несомненно, одним из них. Больше всего его хочется сравнить с Агасфером, пространством вечных странствий которого был мысленный треугольник между Россией-СССР, Палестиной и Францией (Парижем).

П. Нерлер «Я метался в поисках родины...»

Если бы искусство имело свой список мучеников, если бы все те, кто отдал свои жизни этому призрачному занятию, кто сгорал на несуществующем огне воображаемых страстей, кто погибал безвестный от голода или преследований, если бы все эти, в большинстве случаев одинокие и неустроенные, люди, которых принято называть попросту неудачниками, имели бы надежды на возмездие в будущей жизни и почитание верующих в святость искусства, то Валентину Парнаху был бы обеспечен ореол. И можно было бы быть уверенным, что ныне он бродит среди спокойных полей, играет на арфе и что все радости рая уже вознаградили его за печальное существование среди нас. Потому что он был одним из того довольно малочисленного племени людей, для которого высшей верой были строчки стихов, кто готов был идти в бой за картину, кто сгорал страстью любви к прекрасному.

Г. Козинцев. «Смерть жирафовидного истукана»